это к таким по преимуществу крестьянским странам, как Швеция, Норвегия, Финляндия...

Я ограничусь этими беглыми замечаниями о силах рабочего движения в отдельных странах. В мои задачи не входит ни характеристика особенностей этого движения, ни критика его тактических путей, ни анализ противостоящих ему противников. Я стремился осветить лишь размеры этого движения, — его нынешнюю мощь, перспективы его дальнейшего роста, ширину его социальной базы, возможность дальнейшего ее расширения. Если приведенные мною статистические данные пролили некоторый свет на эти вопросы, то они должны были осветить и другую сторону проблемы: если социализму не легко собрать под свое знамя прочное б о л ь ш и н с т в о населения то п р о т и в социализма в капиталистически развитых стран давно уже нет несокрушимого, социально-однородного, сплоченного большинства. То большинство, которое противостоит рабочим социалистическим партиям, повсюду представляет собой пеструю амальгаму социально-разнородных элементов: буржуазии и мещанства; аграриев, идущих за ними крестьян и идущих за крестьянами сельских батраков; государственных служащих, интеллигенции и домашней прислуги; отсталых рабочих, идущих за хозяевами и духовенством и т. д., и т. д. Лишь в очень редких случаях (как это имеет место в Австрии) все эти элементы оказываются собраны в единую реакционную массу, которой магнаты промышленности и банков дают материальные средства и директивы движения, церковь доставляет возвышенную идеологию, земельная аристократия поставляет военных руководителей, а крестьянство — голосующее стадо и пушечное мясо.

Этот — версальско-австрийский — тип политической группировки, предъявляющий совершенно исключительные требования и к пролетариату и к его вождям, наблюдается очень редко (я затруднился бы назвать в современной Европе другую страну, положение которой было бы в этом отношении похоже на положение Австрии). Чаще разнородность социальной базы приводит к политической раздробленности противников социализма, — настолько, что отдельные группы антисоциалистического большинства по тем или иным вопросам нередко сближаются с рабочей партией (оставаясь вместе с тем противниками ее конечной цели).

Именно это обстоятельство вызывает к жизни весь сложный комплекс тактических проблем социалистического движения, к которым мы теперь и обратимся.

5. На пути к власти

Пролетариат приближается к власти, приближается к власти не в той или иной отдельной стране, а во всем мире. В этом основное содержание той исторической эпохи, в которой мы живем, ее темп, ее пафос. Дипломатические комбинации и военные столкновения, исчезновения с карты мира государств с многовековой историей и возникновение новых государственных образований — лишь отдельные исторические эпизоды, а линия развития истории определяется тем, что на смену общественному классу, господствовавшему до сих пор над орудиями производства и потому державшему в своих руках судьбы народов, идет другой класс.

Пролетариат приближается к власти, т. к. жизнь всего мира реорганизуется на основе принципов демократии, а в рамках демократического строя пролетарские элементы, составляющие большинство населения или, по мере хода хозяйственного развития, становящиеся таким большинством, все более сплачиваются под знаменем классовой борьбы во имя нового общественного строя. Этим определяется тактика партии, воплощающей в себе волю пролетариата.

Я не хотел бы при характеристике этой тактики пользоваться избитыми понятиями «революционизм» и «реформизм», понятиями, которые так трудно противопоставить друг другу. Результатом революции, осуществленной в полном согласии с лучшими историческими образцами, — сопровождаемой уличными боями, баррикадами, красными знаменами и даже гильотиной, — результатом революции может явиться ничтожный социальный сдвиг, не стоящий хорошей реформы. С другой